

DOI 10.25991/VRHGA.2024.2.2.006

УДК 1 (091)

*Е. Ю. Машукова**

О СОЦИАЛИЗМЕ А. ГЕРЦЕНА

В статье рассматриваются особенности понимания Герценом проблемы осуществления социализма, его взгляды на нравственное и социальное преобразование общества и влияние ранних французских социалистов на его мысли. Герцен подчеркивает уникальность «русского социализма», основанного на идеалах свободы, равенства и взаимопомощи, критикуя буржуазное общество за его меркантильность и предлагая путь развития через просвещение и духовное самосовершенствование. Статья освещает Герцена как мыслителя, акцентирующего внимание на важности индивидуальной свободы и нравственного развития как условий осуществления социализма. Автор обосновывает, что на протяжении всей своей идейной эволюции Герцен понимает социализм как радикальное нравственное преобразование, призванное разрешить проблему личности и общества. Представления Герцена о социализме сближают его с традицией социального христианства в России.

Ключевые слова: социализм, христианство, нравственное преобразование, личность и общество, мещанство, «русский социализм».

Mashukova E. Y.

ONCE AGAIN TO THE QUESTION OF A. HERZEN'S SOCIALISM

The article examines the peculiarities of Herzen's understanding of the problem of implementing socialism, his views on the moral and social transformation of society, and the influence of early French socialists on his thoughts. Herzen emphasizes the uniqueness of "Russian socialism" based on the ideals of freedom, equality and mutual assistance, criticizing bourgeois society for its commercialism and offering a path of development through enlightenment and spiritual self-improvement. The article highlights Herzen as a thinker who focuses on the importance of individual freedom and moral development as conditions for the implementation of socialism. The author argues that throughout his ideological evolution,

* Машукова Елена Юрьевна — канд. филос. наук, доц., lilacrainbow@yandex.ru, Военно-космическая академия им. А. Ф. Можайского, Российская федерация, 197198, Санкт-Петербург, Ждановская набережная, д. 13.

Mashukova Elena Y. — Candidate of Sci. in Philosophy, assoc., lilacrainbow@yandex.ru, Military Space Academy named after A. F. Mozhaisky, 13, Zhdanovskaya nab., St. Petersburg, 197198, Russian Federation.

Herzen understands socialism as a radical moral transformation designed to solve the problem of personality and society. Herzen's ideas about socialism bring him closer to the tradition of social Christianity in Russia.

Keywords: socialism, Christianity, moral transformation, personality and society, philistinism, "Russian socialism".

«Жизнь осуществляет только ту сторону мысли,
которая находит себе почву...»

А. Герцен

А. И. Герцен — одна из ключевых фигур в русской интеллектуальной истории XIX в. Первый русский социалист, основатель народничества, создатель Вольной русской прессы, публицист, видный политический деятель. Если иметь в виду революционную традицию в России, то он соединяет дворянскую и разночинную революционность. Его отношение к революции как насильственному перевороту было отрицательным, особенно после того, как он стал свидетелем жестокого подавления французской революции 1848 г. Но для власть имущих самодержавной России он однозначно воспринимался как революционер: он действительно «развернул революционную агитацию в России» (Ленин), его «Колокол» пользовался огромным влиянием — не будет большим преувеличением сказать, что они вдвоем с Огаревым определяли общественное мнение в России на протяжении десятилетия. Его считали главой русского освободительного движения видные революционные деятели западной Европы. Он дружил с Гарибальди, Маццини, главой чартистского движения Джеймсом. Среди его друзей и соратников были Мишле, Луи Блан, Прудон, Виктор Гюго и Томас Карлейль. Одна из лучших его книг называется «О развитии революционных идей в России».

Однако его философские взгляды оставались зачастую в тени его громкой политической деятельности и яркой биографии. На данную особенность творчества Герцена первый обратил внимание М. О. Гершензон, который писал об этом так:

«Он был вождь и учитель...Герцен-вождь умер и принадлежит истории, остался Герцен-учитель...Он был больше, чем публицист, и большая часть написанного им касается не злобы его времени, а великих исторических задач человечества. Живое значение для нас он имеет только как историк-философ, как мудрый аналитик и провидец, а с этой стороны его знают меньше всего» [9, с. 9];

«Герцен не оставил никакой доктрины, и каждый, кто задается вопросом о характере его интеллектуального наследия, сталкивается с обескураживающим разнообразием интерпретаций. Мировоззрение и цели этой необычайно многогранной фигуры продолжают оставаться предметом споров» [20, с. 9];

«Сегодня, когда основные факты жизни и творчества Герцена уже известны, интерпретация становится важнее открытия нового. Герцен по-прежнему актуален и не потому, что есть какие-то неизученные лакуны его наследия, а потому что у нас расширяются горизонты, меняется оптика» [18, с. 118].

Герцен был первым социалистом в России. Именно он трансформировал социализм из французского утопического идеала в возможную историческую

альтернативу России, тем самым внес споры о социализме в общественную повестку. Однако именно характер социализма Герцена всегда был предметом споров, трактовался в зависимости от «партийной» принадлежности автора. Герцена всегда считали своим представителем либерального движения — первым назвал его либералом Г. Вырубов, душеприказчик, друг семьи, человек, предпринявший первое издание сочинений Герцена, потом ту же точку зрения высказали А. Пыпин, П. Милюков, М. Гершензон, П. Струве. Историк В. Богучарский определил Герцена как основоположника и отца народничества, и, пожалуй, это наиболее распространенный взгляд на характер социализма Герцена. Ленин превратил Герцена в предшественника социал-демократии, но добавил, что социализм Герцена — «прекраснодушная фраза», «доброе мечтание» и в нем нет «ни грана социализма». Судьба герценовского наследия в советское время парадоксальна. С одной стороны, Герцен возведен советским правительством в ранг праотцов русской революции, и в то же время Герцен воспринимается самими марксистами как человек, не сумевший понять Маркса, да и социализм Герцена совершенно не походил на тот социализм, который строился в Советском Союзе. Парадоксально, что советские диссиденты считали себя наследниками Герцена в борьбе за свободное слово, вспоминая его слова «За нашу и вашу свободу!». Можно даже сказать, что творчество Герцена несло в себе радикальную критику советского режима: ведь главное для Герцена — свобода личности, человек — цель, а не средство.

Как точно отметила английская исследовательница наследия Герцена, Айлин Келли, «После 1991 года официальная русская интерпретация Герцена исчезла из обращения» [20, с. 9].

Можно допустить, что поворот от советской историографии начался тогда, когда И. Пантин в 2006 г. написал статью «Герцен и начало либерального социализма». С точки зрения Пантина, Герцен — либеральный социалист, он представлял социализм как *постепенное претворение в жизнь идеи свободы и справедливости*. Первостепенную роль здесь отводилась умственному и нравственному развитию народа:

«Для либерального социалиста, каким был Герцен, проблемы культуры и морали имеют первостепенное значение для победы нового общества. Социализм, общество свободных и равных, согласно его политической философии, не может ограничиться изменением материальных условий жизни людей. Освобождение должно быть и материальным и духовным, иначе его не будет вовсе — буржуазный мир останется не преодоленным и сумеет воскреснуть вновь в той или иной форме. Вот почему он ставит во главу угла истолкования социального прогресса проблему свободы» [18, с. 122].

К сожалению, в последние несколько лет фигура Герцена все чаще всплывает как объект для разного рода моральных суждений, чаще всего негативных* не только в СМИ, но и в научных статьях и монографиях. Одна из последних интерпретаций социализма Герцена подобного толка, принадлежит писателю

* Подробнее об этом в моей статье: Машукова Е. Ю. О современных интерпретациях жизни и творчества А. Герцена // Вестник РХГА. 2019. № 4. С. 136–137.

К. Кобрину, который трактует его социализм как социализм барина, презирующего обывателя, и как социализм крайнего пессимиста, не верящего в разумность человека и его добрую природу:

«Его идея социализма имеет две важнейшие характеристики. Во-первых, это социализм барина, по социальной психологии своей презирующего обывателя, торговца, рантье. Во-вторых, это социализм крайнего пессимиста, не верящего ни в разумность человека, ни в добрую природу человеческой натуры. Герценовский социализм нужен для того, чтобы не создавать условий и возможностей для не самых приятных проявлений этой природы» [15, с. 183].

Интерпретация Герцена Кобриным ограничивается только одним временным периодом 1847–1851, тем, что был назван исследователями «духовной драмой». Отношение Герцена к возможностям осуществления социализма в этот период тенденциозно распространяются Кобриным на мировоззрение Герцена в целом. Что касается второго тезиса, то необходимо ограничить его временными рамками: нельзя сказать, что Герцен не верит в добрую природу человека, но в текстах 1848–1849 гг. (это прежде всего «Письма из Франции и Италии», «С того берега») мы видим разочарование в народных массах, которые он называет «стихиями» и «океанидами». Кроме того, Герцен в основном говорит о коммунизме, а не социализме, вкладывая в это понятие вполне определенный смысл: «коммунизм — это социализм мести».

Итак, мы видим, что оценки характера социализма Герцена довольно противоречивы, каждый находит у Герцена то, что он ищет. Но выбор и цитирование отдельных фраз Герцена — дело неблагодарное, он слишком часто высказывает абсолютно противоречивые суждения, адекватное восприятие творчества Герцена возможно только в его целостности. Герцен в вечном поиске. По каждому вопросу у него не было жесткого и однозначного решения. И все же в этой переменчивости позиций можно усмотреть некий вектор, основополагающие идеи, которые он пронесет через всю жизнь. Одна из таких идей — представление о социализме.

Чтобы доказать данный тезис, попробуем реконструировать представления Герцена о социальном идеале, рассмотрев его мировоззрение в целостности. В эволюции социальных взглядов Герцена принято выделять четыре этапа: 30–40-е гг. XIX в., «педагогический» 1848, формирование идеи русского социализма и последний период творчества, основные идеи которого нашли воплощение в письмах «К старому товарищу» — М. Бакунину.

Основополагающие идеи герценовского социального воззрения сформировались в 30–40-е гг. XIX в. под определяющим воздействием французских социальных теорий — Сен-Симона, Фурье, Ламенне. Сам Герцен в «Былом и думах» признается, что «Сен-симонизм лег в основу наших убеждений и неизменно оставался в существенном» [6, с. 162]. Что же такого существенного взял Герцен из учения Сен-Симона, что сохранилось на протяжении всей его жизни?

Сенсимонисты хотели полностью справедливого общества: все люди должны наслаждаться всеобщей свободой при полном равенстве и истинном братстве. Ранний социализм вовсе не являлся «коллективистским», наоборот,

он вдохновлялся благоговением к святости личности. Также он не являлся по преимуществу экономическим учением, большая часть ранних социалистических систем прежде всего была нравственными учениями. Реформы должны носить всеобщий характер, так как ни один человек не может быть полностью свободен, без свободы всех. Ранние социалисты хотели нравственной реформы, которая изменит общество до самых оснований. Постепенно социализм стал обозначать доктрину, которая рассматривала реформу как полную трансформацию общества, а не просто ряда его институтов. Предстоящая перемена рассматривалась сенсимонистами прежде всего, как революция в сознании^{*}.

Многие исследователи творчества Герцена отмечали, что все эти основные положения сохраняются в философии Герцена до конца его жизни. Так, Мартин Малиа утверждает: «Философия, которую он разделял в 21 год, останется *сущностью* его взглядов до конца жизни» [16, с. 200]. С ним соглашается философ И. Берлин:

«Больше всего его раздражало то, что они обвиняли его в непоследовательности, в то время как большую часть своей жизни он проповедовал одни и те же “две или три идеи”, но они оказались слишком противоречащими давно укоренившимся убеждениям, чтобы быть воспринятыми» [цит. по: 20, с. 24].

Представления Герцена о социальном идеале этого периода могут быть названы христианским социализмом: так, полагая, что «доселе с народом можно говорить только через священное писание», Герцен отмечает в своем дневнике, что социальная сторона христианства менее всего развита, но «Евангелие должно взойти в жизнь, оно должно дать ту индивидуальность, которая готова на братство» [1, с. 345]. Эта последняя мысль (в которой нельзя не увидеть прямых аналогий с социальным христианством Чаадаева) и станет одной из стержневых в герценовских социальных построениях. Интересно в связи с этим отметить, что главный незаконченный труд потомка герцогов Сен-Симона так и назывался — «Новое христианство». Характерно, что в это время Герцен сравнивает социализм с Евангелием: «Социализм — второе Евангелие, подобно Евангелию, он никогда не осуществится, но проникнет во все явления» [1, с. 6], станет руководящим началом во всех сферах жизни. Естественно предположить, что для Герцена изначально социализм был не системой, а процессом, развитием, преломлением его принципов в реальной среде. И в 1867 г., под конец жизни, Герцен писал в «Прологоменах»:

«Мы прекрасно знаем, как нелегко определить конкретно и просто то, что мы понимаем под радикальной революцией. Рассмотрим еще раз единственный пример, предлагаемый нам историей: революцию христианскую» [7, с. 58].

Характеристика христианства как единственной в истории радикальной революции косвенно указывает на тот факт, что революция для Герцена — это радикальное нравственное преобразование. Итак, можно сделать вывод, что

^{*} См. об этом: Мартин Малиа. Александр Герцен и происхождение русского социализма 1812–1855. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. С. 177.

социализм в этот период Герцен понимает, как процесс длительного нравственного реформирования социальных отношений, конечной целью которого является появление «индивидуальности, готовой на братство». По мнению Герцена, появление такой индивидуальности позволит разрешить главную социальную задачу — примирить интересы личности и общества.

« П Е Д А Г О Г И Ч Е С К И Й 1 8 4 8 »

В 1847 г. Герцен переезжает в Европу. Как известно разочарование в Европе началось еще до революции 1848 г. Герцен принес на Запад свои конструкты: социальное воплощение христианства, всеобщее равенство, абсолютную свободу человека. Никакая Европа не смогла бы удовлетворить подобным идеалам. Романтический радикализм Герцена того времени можно выразить одной фразой, позднее им высказанной: «Слово «республика», — писал он впоследствии о своем переезде за границу, — имело тогда для меня нравственный смысл» [Цит. по: 13, с. 269]. С другой стороны, Герцен раздражен буржуазным Западом. Его критика буржуазии была этической и эстетической: критиковалась жадность, лицемерие, фальшивая скромность, вождение прибыли, вульгарность и развращенный эгоизм.

Надежда на социализм быстро исчезла в революционных событиях 1848 г. Взгляд Герцена в это время предельно пессимистичен: «Социализм как общество свободных людей», как радикальный нравственный переворот сейчас невозможен для народа. Не случайно в «Письмах из Франции и Италии» Герцен чаще употребляет термин «коммунизм»:

«сен-симонизм и фурьеризм исчезли, и явился социализм коммунизма, т. е. борьбы насмерть» [2, с. 186];

«социализм мести — коммунизм», «Коммунизм близок душе французского народа, так глубоко чувствующего великую неправду общественного быта и так мало уважающего личность человека» [2, с. 199];

«Коммунизм пронесется бурно, страшно, кроваво, несправедливо, быстро. Среди грома и молний, при зареве горящих дворцов, на развалинах фабрик и присутственных мест — явятся новые заповеди, крупно набросанные черты нового символа веры» [2, с. 216].

Здесь необходимо небольшое уточнение. Дело в том, что к 1840 г. термин «социализм» получил распространение, он стал обозначать любую доктрину, которая рассматривала реформу как полную трансформацию общества, а не просто ряда его институтов. Вскоре после этого получило распространение слово «коммунизм», которое стало обозначать более узкую идею радикального уравнивания благосостояния. Еще одно отличие терминов «социализм» и «коммунизм» касалось средств достижения социальных изменений — «мятежный коммунизм» возлагал надежды на революцию, социализм же надеялся трансформировать общество посредством нравственной реформы [16, с. 179]. Однако представления Герцена о социализме не изменились — так, в тех же

«Письмах из Франции и Италии», признавая, что материальный вопрос вышел на первый план, он отмечает:

«Обыкновенно думают, что социализм имеет исключительную целью разрешение вопроса о капитале, ренте и заработной плате... Экономические вопросы... составляют одну сторону целого воззрения, стремящегося уничтожить все монархическое, религиозное — в суде, в правительстве, во всем общественном устройстве и, всего более, в семье, в частной жизни, около очага, в поведении, в нравственности... [2, с. 11].

Кровавое подавление революции было для Герцена шоком, окончательно подорвавшим веру в прогресс. В книге «С того берега» Герцен навсегда прощается с сенсимонистской и гегельянской убежденностью относительно смысла и цели исторического процесса. А если так, то жертвование собой во имя несуществующей логики истории не имеет ни малейшего смысла. Но существует и обратная сторона этого обесмысления истории — высшей ценностью становится человеческая личность. Действительно, и в этот период Герцен остается верен своей главной идее — представлению о социализме как нравственном преобразовании. Его главная особенность сформулирована Герценом следующим образом: «Социализм» должен быть уделом отдельной личности — вместо освобождения человечества следует освобождать себя, так как только нравственная независимость спасает человека в «безумном потоке истории»: «Спасая себя таким образом, мы становимся на ту мужественную и широкую почву, на которой только и возможно развитие свободной жизни в обществе, — если оно вообще возможно для людей», — пишет Герцен в одной из лучших своих работ — в серии статей, которые он объединит в одну книгу под названием «С того берега» [4, с. 119]. Социализм Герцена этого времени, который может быть назван индивидуалистическим, был обусловлен как отвращением к кровавому прогрессу, так и разочарованием в духовной зрелости народа. Но свобода для Герцена предполагала не только внутреннее реформирование личности, но и создание новых форм человеческой солидарности, в которых разобщенность и хаос общественных отношений были бы преодолены: «конец политических революций и восхождение нового мирозерцания — вот что мы должны проповедовать», — напишет он в 1849 г., подводя итоги революции 1848 г. во Франции [3, с. 223]. Перед нами — точка зрения социалиста сенсимонистского толка, уверенного, что будущее возникает в жизни «вне политики», вернее, оно явится итогом всех политических и социальных устремлений, «возьмет из них нитки в свою новую ткань»:

«Исполнение социализма представляет ... неожиданное сочетание отвлеченного учения с существующими фактами. Жизнь осуществляет только ту сторону мысли, которая находит себе почву, да и почва при том не остается страдательным носителем, а дает свои соки, вносит свои элементы. Новое, возникающее из борьбы утопий и консерватизма, входит в жизнь не так, как его ожидала та или другая сторона. Оно является переработанным, иным...» [3, с. 78].

Остается добавить, что идеал морального возрождения всегда имел для Герцена первостепенное значение. А. Келли высказала очень точную мысль,

о том, что ключом к пониманию его реакции на 1848 г. была «его продолжающая борьба с притягательностью метафизических абсолютов» [20, с. 11].

РУССКИЙ СОЦИАЛИЗМ

Поиски «новых форм человеческой солидарности» привели Герцена к идее русского социализма. «Русский социализм» Герцена — наверное, самое уязвимое звено в его социальных построениях. Трезвый и точный диагноз болезней западного общества, и откровенно романтическая, построенная на каком-то интуитивном чувстве, положительная программа. Кроме того, как тогда, в XIX в., так и теперь, русский социализм Герцена считается многими исследователями националистической конструкцией. Так, переход Герцена на позиции «русского социализма» был крайне болезненно воспринят Марксом и Энгельсом. Если взять политические эпитеты, которыми награждали Маркс и Энгельс Герцена, то русский мыслитель для них — это «панславистский беллетрист, которого раздули в революционера», «социалист в лучшем случае на словах», а его «русский социализм» — попытка представить Россию «избранным народом в социальном отношении», стремление оправдать миссию России «омолодить и возродить, в случае необходимости даже силой оружия, прогнанный, отживший свой век Запад» [19, с. 438–439].

Националистом также считал Герцена американский исследователь его творчества М. Малиа: «После славянофилов Герцен стал самым плодовитым и изобретательным мессианским националистом из всех, кого породила Россия в первой половине XIX столетия» [16].

Современный исследователь К. Кобрин формулирует более жестко:

«Смесь национализма с руссоизмом; к моменту написания «О сельской общине» и последующих текстов Герцена о некоем специальном “русском социализме” эта смесь существовала уже около полувека. Более того, в конце концов эта идейная смесь стала глубоко реакционной — уже во второй половине XIX века, а в прошлом столетии легла в основу национал-социалистических полуфашистских и популистских крайне правых идеологий. На примере Герцена и русского социализма очень хорошо видно, что в середине XIX века национализм оказался сильнее любого извода социализма, не только коммунистического» [15, с. 203–204].

Есть и другие точки зрения на характер социализма Герцена, так, А. Келли отмечает:

«Его “русский социализм”, обычно изображаемый как мессианская конструкция, был построен на этой прагматической философии: предвосхищая многих экономистов “третьего мира” следующего столетия, он настаивал на том, что вместо того, чтобы следовать условно универсальному пути прогресса — пути Запада, — Россия должна стремиться развивать потенциал, имманентно присущий ее собственной культуре» [20, р. 25].

Такого же мнения придерживается А. Валицкий, утверждающий, что Герцен справедливо считается первым русским мыслителем, рационально обо-

сновавшим возможность свободного выбора путей общественного развития [12, с. 41]. В. Зеньковский был убежден, что вера Герцена в Россию «гораздо больше определялась социальными исканиями, чем национальным чувством» [13, с. 271]. А Н. Бердяев считал, что у Герцена «социальная тема была лишь развитием темы о человеке». Отсюда утверждение автора «Русской идеи» о том, что «социализм у Герцена был индивидуалистический и персоналистический, и он думал, что это русский социализм» [10, с. 105].

Для данного исследования важно подчеркнуть, что наличие общины для Герцена — вовсе не главное условие для того, чтобы Россия осуществила идеалы социализма: «есть нечто в русской жизни, что выше общины и сильнее государственного могущества». Это нечто Герцен усматривает во «внутренней, не вполне сознающей себя силе», которая «независимо от всех внешних событий и вопреки им, сохранила русский народ и поддержала его несокрушимую веру в себя» [3, с. 199–200]. На мой взгляд, концепция «русского социализма» — чисто романтическая конструкция, основанная на любви Герцена к России и какой-то неопределенной и смутной вере в исключительные качества русского народа: «Я нахожу в нашей русской душе, в нашем характере что-то более широкое, нежели в западноевропейском».

«...Следует подумать, — пишет Герцен, — нет ли в народном быту, в народном характере нашем, в нашей мысли... чего-нибудь такого, что может иметь притязание на общественное устройство выше западного» [7, с. 266].

То, что Герцен и в этот период понимает социализм как нравственное преобразование, доказывает тот факт, что у него полностью отсутствует интерес к экономике сельского хозяйства, к особенностям крестьянского быта и психологии крестьян. Для Герцена в первую очередь важна не община, а «*комплекс коллективистских традиций русского народа, его внутренняя свобода и отсутствие мещанства*» (курсив авт. — Е. М.):

«Мы слишком задавлены, слишком несчастны, чтобы удовлетвориться половинчатыми решениями. Вы многое щадите, вас останавливает раздумье совести, благочестие к былому; нам нечего щадить, нас ничто не останавливает... В нашей жизни есть что-то безумное, но нет ничего пошлого, ничего неподвижного, ничего мещанского» [5, с. 222].

Размышляя об основаниях русского социализма, Герцен скажет, что «*отсутствие права позволяет сохранить нечто лучшее, чем закон, — нравственность*» (курсив авт. — Е. М.), которая совершенно естественно вытекает из общинной жизни. Герцен указывает на присущую России «свежесть молодости и природное тяготение к социалистическим установлениям». Отсюда и утверждение Герцена о том, что особенностью русского народа является его естественное сочувствие коммунизму: «Русский народ преимущественно социальный», «коммунист по инстинкту», у русского народа природное тяготение к социальным установкам». Можно предположить, что Герцен указывал скорее на идеальную возможность осуществления русского социализма, имея в виду прежде всего нравственные качества русского народа. Таким образом, основополагающим принципом в концепции «русского социализма» оставал-

ся общечеловеческий принцип личности, ее прав и свобод. Атомизированного общества Герцен не желает, но при этом личность и ее свобода выступают у него как основная цель, а общинный принцип лишь как средство. В таком случае становятся понятны слова Герцена, обращенные к Э. Кине в 1865 г.: «Вы пролетариатом к социализму, мы социализмом к свободе» [7, с. 469]. Таким образом, и в это время Герцен понимает социализм как общество свободных людей, связанных нравственными отношениями (вспомним индивидуальность, готовую на братство). Герцен обозначает проблему, он не дает готовых решений, хотя не исключает возможности, что таким решением может быть «русский социализм». Герцен был убежден, что самые необходимые для России политические мероприятия вполне возможны в рамках реформ, радикальная же революция, которая выходила за пределы обозримого будущего и которую Герцен связывал с проектом «русского социализма», призвана была осуществиться не столько как революция политическая, сколько как социальная или скорее даже культурная.

ПИСЬМА «К СТАРОМУ ТОВАРИЩУ»

В последний период своего идейного развития Герцен тоже размышляет о соотношении революции и нравственности. Герцен отвергает революцию сознательного меньшинства, которую предлагал Бакунин, потому что если не изменится сознание людей, то на «обломках старого мира» возникнет мир, в общем, сходный с ним, ибо «взять не развитие силой» невозможно, поэтому обречены и «цивилизация кнутом» и «освобождение гильотиной» [8, с. 593]. Народ нужно не бунтовать, а просвещать, насильственному изменению общества Герцен противопоставляет духовное просвещение как всего народа, так и задачу нравственного освобождения отдельного человека. Провозглашая «борьбу свободного человека с освободителями человечества», он утверждал, что свобода личности может быть обеспечена не только уничтожением внешних форм порабощения, но прежде всего внутренним, нравственным перерождением.

Таким образом, и в последние годы своей жизни Герцен понимает социализм не просто как экономически развитое общество, имеющее свободные политические учреждения, а как совершенно новую ступень культурного развития, новый мир, где люди будут объединены «нравственными отношениями и где внутренняя свобода личности станет основой всечеловеческой солидарности между людьми» (курсив авт. — Е. М.). Герцен был также убежден, что только через обретение индивидуальной свободы возможен переход к новому «гражданскому состоянию». Таким образом, Герцен — первый в России социалист, осознавший, что самой трудной социальной задачей является построение общества подлинного равенства, т. е. такого общества, где «действительная воля народа» будет опираться на «свободу лица».

КРИТИКА МЕЩАНСТВА

Именно представление о социализме как нравственном идеале обусловило критику мещанства как главного препятствия на пути к его осуществлению. Мещанство для Герцена, с одной стороны, синоним нравственного оскудения личности, а с другой — формально-рациональной организации жизни, нивелирующей личность и создающей препятствие для развития культуры. Герцен отмечает, что свободные учреждения создают лишь видимость свободы, фактически их роль ничтожна, они служат для прикрытия интересов господствующих классов. Опыт всех политических республик показал, что они никогда не воплощали суверенитета народа, поэтому социальное общежитие или социальная республика, по Герцену, должны нуждаться лишь в наличии нравственной связи между людьми.

Критика мещанства имело еще одно важное последствие. Оно касалось сюжета под названием «Россия и Европа». Встреча Герцена с Европой была мучением, пишет Ж. Нива. При всех недостатках и пороках России, он постоянно подчеркивает некое моральное первенство русского народа и некоторое отвращение к Европе «чинной, вульгарной», где «купец — кормчий» и суживается ум, стирается личность, постоянно мельчает жизнь (17, с. 29).

«Русский, снимая с себя цепи, становится самым свободным человеком в Европе...», писал Герцен в письме к Ш. Риберойлю, *издателю журнала «L'Homme»*, пронизательно указывая чуть ли не как главное отличие русского от европейца, умение признать свою неправоту, свое несовершенство:

«Русские законы начинаются с оскорбительной истины — “царь приказал” и оканчиваются диким “быть по сему”. А ваши указы носят в заголовках двоедушную ложь — громовой республиканский девиз и имя французского народа. Свод законов точно также направлен против человека, как свод Наполеона, но мы знаем, что наш свод скверен, а вы не знаете этого» [4, с. 223].

Герцен, по существу, первый русский, который пытается разрушить в сознании прежде всего русского человека романтическую картину европейской жизни. Прожив двадцать три года в Европе, он остался по типу своего сознания представителем русской культуры, «европейским русским», это, к слову, о русофобии Герцена.

К. Кобрин сетует, что Герцен не удосужился разобраться в настоящих ценностях обывательской жизни среднего европейца, к сожалению, не поясняя, что, на его взгляд, представляют собой эти настоящие ценности:

«Слабость же была в том, что европейцам Герцен рассказывал романтические легенды о русском мужике — природном социалисте, а русским — о Триумфе Европейского Мещанства, не удосужившись получше всмотреться даже в известные ему идейные течения своего времени (не говоря уже об устройстве как раз обывательской жизни, о ее настоящих ценностях и т. д.)» [15, с. 213].

В. Кантор поддерживает позицию Кобрина, о Герцене:

«Он заранее разочаровался в Боге, потом в Западе *с его, так сказать* (курсив авт. — Е. М.), *мещанством. Демоны и их безумие казались надежнее Бога и западных устроителей своего быта, они вроде бы что-то хотели делать*» [14, с. 91].

Герцен связывал мещанство с нравственным выбором личности. Под мещанством он понимал индивидуализм, ограничивающий существование человека частными интересами, обрекающий его на скучный, однообразный, приземленный ритм жизни, лишенный внутренних порывов. Можно допускать возможность различной интерпретации герценовской критики мещанства, но следует все же признать, что она заслуживает самого пристального внимания и вполне сохраняет свою актуальность. Критика мещанства, по сути, началась с эссе Д. С. Милля «О свободе», где Милль рассуждает о господстве в современном буржуазном обществе «посредственностей» и о «стирании» личностей, эссе, которое Герцен читал и комментировал. К. Леонтьев, Н. К. Михайловский, Ф. Достоевский, Н. Бердяев, Ф. Степун, И. Бродский, как известно, продолжили критику Европы с морально-нравственной стороны ее жизни, традицию, заложенную Герценом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование текстов русского мыслителя позволяет сделать вывод, что на всех этапах своей идейной эволюции Герцен сохраняет верность тем идеям, которые он почерпнул из раннего христианского социализма: понимание социализма не только как социального, но, прежде всего, как нравственного преобразования, которое осуществляется через реформирование человека и культуры, через изменение сознания людей. Несмотря на кажущуюся обусловленность взглядов Герцена внешними событиями, можно с уверенностью утверждать, что ключевая идея герценовского представления о социализме оставалась неизменной. Таким образом, можно сделать вывод, что для Герцена социализм — это этический идеал, осуществление которого связано с трансформацией человеческого сознания. Социализм представляется ему обществом, в котором люди будут связаны более человеческими, нравственными отношениями. В этом вопросе он оказался верен своим учителям-сенсимонистам.

Вряд ли можно согласиться с мнением В. Зеньковского, что решающие основы мировоззрения Герцена до конца определялись христианскими идеями [13, с. 270], но необходимо согласиться с тем, что к истории Герцен действительно относится с позиций должного: «сфера бытия и ценностей остается у него не примирённой» [13, с. 89].

Социализм Герцена — сенсимонистский и христианский, приверженность идеям этой формы социализма объясняется еще и тем, что они совпали с личностными ценностями и духовными устремлениями знаменитого русского изгнанника. Представление о верховной ценности личности, о ее безусловной свободе, а также о необходимости нравственной связи между людьми сближают взгляды Герцена с традицией социального христианства в России.

В советское время озабоченность недостижимыми моральными идеалами была воспринята как свидетельство незрелости социальных взглядов Герцена, но в природе нравственных идеалов заложено быть нереализуемыми, их роль заключается в том, чтобы быть мерилом для измерения прогресса в достижении целей, которые никогда не могут быть достигнуты в полном объеме [20, с. 262]. В эссе, впервые опубликованном в 1950-х гг., Исайя Берлин утверждал, что смелость и оригинальность мысли Герцена были упущены из виду из-за тенденции классифицировать ее как еще одну разновидность раннего социализма [20, с. 23]. Берлин трактует Герцена как вестника истин, которые были слишком чужды принятым идеям, чтобы быть приемлемыми или даже понятными для большинства [11, с. 223].

ЛИТЕРАТУРА

1. Герцен А. И. Дневник 1842–1845 гг. // Собр. соч.: В 30 тт. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 199–417.
2. Герцен А. И. Письма из Франции и Италии // Собр. соч.: В 30 тт. Т. 5. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. –218.
3. Герцен А. И. Письмо к Ш. Риберойлю, издателю журнала «L'Homme» // Собр. соч.: В 30 тт. Т. 5. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 218–225.
4. Герцен А. И. С того берега // Собр. соч.: В 30 тт. Т. 6. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 7–133.
5. Герцен А. И. Россия // Собр. соч.: В 30 тт. Т. 6. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 187–224.
6. Герцен А. И. Былое и думы // Собр. соч.: В 30 тт. Т. 8. Изд-во АН СССР, 1956. 526 с.
7. Герцен А. И. Прологомены // Собр. соч.: В 30 тт. Т. 20. Кн. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 50–80.
8. Герцен А. И. К старому товарищу // Собр. соч.: В 30 тт. Т. 20. Кн. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 575–594.
9. Гершензон М. О. Социально-политические взгляды А. И. Герцена. М., 1906. 44 с.
10. Бердяев Н. А. Русская идея. М.: ЗАО «Сварог и К», 1997. 540 с.
11. Берлин И. Русские мыслители. М., Энциклопедия-ру, 2017. 492 с.
12. Валицкий А. Два облика Герцена: философия свободы и «русская идея» // Герцен и исторические судьбы России: мат-лы международной науч. конф. к 200-летию А. И. Герцена (Ин-т философии РАН, 20–21 июня 2012 г.). М.: Канон плюс, 2013. С. 30–42.
13. Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический проект, Раритет, 2001. 877 с.
14. Кантор В. К. «Правый и виноватый погибли рядом». Историософия А. И. Герцена // Герцен и исторические судьбы России: мат-лы международной науч. конф. к 200-летию А. И. Герцена (Ин-т философии РАН, 20–21 июня 2012 г.). М.: Канон плюс, 2013. С. 63–94.
15. Кобрин К. Р. Разговор в комнатах. Карамзин, Чаадаев, Герцен и начало современной России. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 217 с.
16. Мартин Малиа. Александр Герцен и происхождение русского социализма 1812–1855. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. 566 с.

17. Нива Ж. Фигура великого европейца: о проблеме расширенной Родины // Герцен и исторические судьбы России: мат-лы международной науч. конф. к 200-летию А. И. Герцена (Ин-т философии РАН, 20–21 июня 2012 г.). М.: Канон плюс, 2013. С. 24–30.

18. Пантин И. К. А. И. Герцен: начало либерального социализма // Вопросы философии. № 3. М., 2006. С. 118–124.

19. Энгельс Ф. Послесловие к работе «О социальном вопросе в России» // Маркс К., Энгельс Ф.: В 50 тт. Собр. соч. Т. 22. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. С. 438–439.

20. Kelly A. Discovery of Chance: The Life and Thought of Alexander Herzen. Harvard University Press, 2016. 585 с.

REFERENCES

1. Herzen A. I. (1954). Dnevnik 1842–1845gg. [Diary of 1842–1845]. Sobr. soch.: V 30 t. T. 2. M.: AN SSSR Publ. S. 199–417. (In Russian).

2. Herzen A. I. (1955). Pis'ma iz Francii i Italii. [Letters from France and Italy]. Sobr. soch.: V 30 t. T. 5. M.: AN SSSR Publ. S. 7–218. (In Russian).

3. Herzen A. I. (1955). Pis'mo k Sh. Riberolju, izdatelju zhurnala "L'Homme". [A letter to Sh. Riberol, publisher of the magazine "L'Homme"]. Sobr. soch.: V 30 t. T. 5. M.: AN SSSR Publ. S. 218–225. (In Russian).

4. Herzen A. I. (1955). S togo berega. [From the other shore]. Sobr. soch.: V 30 t. T. 6. M.: AN SSSR Publ. S. 7–133. (In Russian).

5. Herzen A. I. (1955). Rossiya. [Russia]. Sobr. soch.: V 30 t. T. 6. M.: AN SSSR Publ. S. 187–224. (In Russian).

6. Herzen A. I. (1956). By'loe i dumy' [The past and thoughts]. Sobr. soch.: V 30 t. T. 8. M.: AN SSSR Publ. 526 s. (In Russian).

7. Herzen A. I. (1959). Prolegomeny [Prolegomena]. Sobr. soch.: V 30 t. T. 20. Kn. 2. M.: AN SSSR Publ. S. 50–80. (In Russian).

8. Herzen A. I. (1960). K staromu tovarishhu [To an old friend]. Sobr. soch.: V 30 t. T. 20. Kn. 2. M.: AN SSSR Publ. S. 575–594. (In Russian).

9. Gershenzon M. O. (1906). Social'no-politicheskie vzglyady' A. I. Gercena [Sociopolitical views of A. I. Herzen]. Moscow. 44 s. (In Russian).

10. Berdyaev N. A. (1997). Russkaya ideya [The Russian idea]. Moscow. 540 s. (In Russian).

11. Berlin I. (2017). Russkie my'sliteli. [Russian Thinkers]. Moscow. E'nciklopediya-ru Publ. 492 s. (In Russian).

12. Valiczkiy A. (2013). Dva oblika Gercena: filosofiya svobody' i "russkaya ideya". [Two faces of Herzen: the philosophy of freedom and the "Russian idea"] In: Gercen i istoricheskie sud'by' Rossii: materialy' mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii k 200-letiyu A. I. Gercena (Institut filosofii RAN, 20–21 iyunya 2012 g.). Moscow: Kanon plyus Publ. S. 30–42. (In Russian).

13. Zen'kovskij V. V. (2001). Istoriya russkoj filosofii. [History of Russian philosophy]. Moscow. "Akademicheskij proekt", "Raritet" Publ. 877 s. (In Russian).

14. Kantor V. K. (2013). "Pravy'j i vinovaty'j pogibnut ryadom". Istoriosofiya A. I. Gercena ["The right and the guilty will die side by side". Historiosophy of A. I. Herzen] In: Gercen i istoricheskie sud'by' Rossii: materialy' mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii k 200-letiyu A. I. Gercena (Institut filosofii RAN, 20–21 iyunya 2012 g.). Moscow: Kanon plyus Publ. S. 63–94. (In Russian).

15. Kobrin K. R. Razgovor v komnatax. Karamzin, Chaadaev, Gercen i nachalo sovremennoj Rossii (2018). [Conversation in the rooms. Karamzin, Chaadaev, Herzen and the beginning of modern Russia] Moscow: New literary review. 217 s. (In Russian).
16. Martin Malia. (2010). Aleksandr Gercen i proisxozhdenie russkogo socializma 1812–1855. M.: Izdatel'skij dom "Territoriya budushhego". 566 s. (In Russian).
17. Niva Zh. (2013). Figura velikogo evropejca: o probleme rasshirennoj Rodiny [The figure of a great European: on the problem of an expanded Homeland] In: Gercen i istoricheskie sud'by Rossii: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii k 200-letiyu A. I. Gercena (Institut filosofii RAN, 20–21 iyunya 2012 g.). Moscow: Kanon plyus Publ. S. 24–30. (In Russian).
18. Pantin I. K. A. I. Gercen: nachalo liberal'nogo socializma [A. I. Herzen: the beginning of liberal socialism] In: Voprosy filosofii. № 3. M., 2006. S. 118–124. (In Russian).
19. E'ngel's F. (1962). Posleslovie k rabote "O social'nom voprose v Rossii" [Afterword to the work "On the social issue in Russia"] Marks K., E'ngel's F. Sobr. soch.: V 50 t. T. 22. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. S. 438–439. (In Russian).
20. Kelly A. (2016). Discovery of Chance: The Life and Thought of Alexander Herzen. Harvard University Press. 585 s. (In English).